

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в истолковании, приданном ее положениям в правоприменительной практике после вступления в силу Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2010 года № 21-П, в связи с жалобой гражданина Р.Инамова

город Санкт-Петербург

7 ноября 2012 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 12

февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в истолковании, приданном ей правоприменительной практикой после вступления в силу Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2010 года № 21-П.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Р.Инамова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые в жалобе законоположения в их истолковании правоприменительной практикой, сложившейся после вступления в силу Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2010 года № 21-П.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.Д.Князева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Заявитель по настоящему делу гражданин Р.Инамов, проходивший военную службу с 16 ноября 1970 года по 31 марта 1997 года, в январе 1987 года принимал участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. 25 августа 2000 года он был признан инвалидом III группы вследствие заболевания, полученного при исполнении обязанностей военной службы в связи с аварией на Чернобыльской АЭС, с установлением 40 процентов утраты профессиональной трудоспособности (с 4 июля 2003 года ему установлены II группа инвалидности и 100 процентов утраты трудоспособности). Как военнослужащему, получающему пенсию за выслугу лет, увеличенную на сумму минимального размера пенсии по инвалидности, выплата ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда здоровью Р.Инамову согласно абзацу третьему пункта 2 части первой статьи 29 Закона

Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в редакции Федерального закона от 24 ноября 1995 года № 179-ФЗ не производилась, и за ее установлением он не обращался.

После вступления в силу Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», принятого в том числе во исполнение Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 1997 года № 18-П, Р.Инамову как инвалиду III группы с 15 февраля 2001 года была назначена ежемесячная денежная компенсация в возмещение вреда здоровью в твердой денежной сумме в размере 1000 рублей и единовременно выплачена неполученная денежная компенсация за период с 25 августа 2000 года по 15 февраля 2001 года, исчисленная исходя из денежного довольствия с учетом степени утраты профессиональной трудоспособности.

Бердский городской суд Новосибирской области решением от 6 апреля 2004 года отказал Р.Инамову, полагавшему, что причитающаяся ему ежемесячная денежная компенсация должна исчисляться исходя из утраченного заработка в размере 14 484 рубля 98 копеек, в удовлетворении исковых требований к Военному комиссариату Новосибирской области и Министерству обороны Российской Федерации в части назначения с 1 ноября 2003 года указанной ежемесячной денежной суммы и взыскания недополученных сумм возмещения вреда за прошлый период (с 25 августа 2000 года по 31 октября 2003 года). В обоснование своего решения суд первой инстанции сослался на то, что предусматривающие для граждан – инвалидов вследствие чернобыльской катастрофы выплату ежемесячной денежной компенсации в твердой сумме в зависимости от группы инвалидности, а не исходя из утраченного заработка, положения статей 14 и 29 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию

радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в редакции Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ в нормативном единстве с частями первой и второй статьи 2 данного Федерального закона не предоставляют инвалидам-чернобыльцам, обратившимся за возмещением вреда после его вступления в силу (а именно к их числу относится истец), право выбирать способ определения размера компенсации в возмещение вреда. Решение Бердского городского суда Новосибирской области от 6 апреля 2004 года в указанной части оставлено без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Новосибирского областного суда от 8 июня 2004 года и вступило в законную силу.

В связи с принятием Конституционным Судом Российской Федерации Постановления от 20 декабря 2010 года № 21-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ Р.Инамов 31 января 2011 года обратился в Бердский городской суд Новосибирской области с заявлением о пересмотре его решения по вновь открывшимся обстоятельствам. Отказ в пересмотре указанного решения (определение Бердского городского суда Новосибирской области от 11 мая 2011 года, оставленное без изменения кассационным определением Новосибирского областного суда от 5 июля 2011 года) и в передаче надзорной жалобы Р.Инамова на это решение для рассмотрения в судебном заседании суда надзорной инстанции (определение судьи Новосибирского областного суда от 5 сентября 2011 года), а также в передаче его надзорной жалобы на определения судов первой и кассационной инстанций для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации (определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 26 октября 2011 года) суды, ссылаясь на пункт 5 части второй статьи 392 ГПК Российской Федерации, мотивировали тем, что Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2010 года № 21-П часть первая статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ не была признана не соответствующей Конституции

Российской Федерации и что заявитель не являлся участником конституционного судопроизводства по данному делу.

Вместе с тем в кассационном определении Новосибирского областного суда от 5 июля 2011 года и определении судьи Новосибирского областного суда от 5 сентября 2011 года Р.Инамову было разъяснено, что решение Бердского городского суда Новосибирской области от 6 апреля 2004 года не препятствует пересмотру во внесудебном порядке размера ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда, причиненного воздействием радиации в связи с чернобыльской катастрофой, с момента провозглашения Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2010 года № 21-П. Однако Военный комиссариат Новосибирской области, рассмотрев обращение Р.Инамова, в назначении ему с 20 декабря 2010 года ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда здоровью как инвалиду вследствие чернобыльской катастрофы исходя из размера утраченного заработка и степени утраты трудоспособности (с последующей индексацией в установленном законом порядке) отказал.

Бердский городской суд Новосибирской области, рассмотрев дело по иску Р.Инамова к Военному комиссариату Новосибирской области и Министерству обороны Российской Федерации, определением от 17 октября 2011 года прекратил производство по данному делу на том основании, что истец к категории лиц, указанных в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2010 года № 21-П, не относится, а изменение даты, с которой он просил назначить ежемесячную денежную компенсацию в возмещение вреда здоровью исходя из денежного довольствия с учетом степени утраты профессиональной трудоспособности, не означает изменение предмета или основания иска. Данное определение оставлено без изменения кассационным определением Новосибирского областного суда от 6 декабря 2011 года и определением судьи Новосибирского областного суда от 29 февраля 2012 года. Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2012 года в

передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации заявителю также отказано.

Гражданин Р.Инамов, обращаясь к Конституционному Суду Российской Федерации за защитой своих конституционных прав, просит признать часть первую статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ не соответствующей статье 19 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой ее положения – по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, включая практику Верховного Суда Российской Федерации, – препятствуют удовлетворению заявлений инвалидов вследствие чернобыльской катастрофы из числа военнослужащих о назначении ежемесячной денежной компенсации в том же размере, в каком им были исчислены неполученные суммы возмещения вреда здоровью, – притом что право этих лиц на возмещение вреда здоровью было признано Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 1 декабря 1997 года № 18-П, но за установлением соответствующих выплат до введения в действие данного Федерального закона они не обращались, и что в отношении них имеются вступившие в законную силу судебные решения об отказе в исчислении размера ежемесячной денежной компенсации исходя из денежного довольствия с учетом степени утраты профессиональной трудоспособности, вынесенные до принятия Конституционным Судом Российской Федерации Постановления от 20 декабря 2010 года № 21-П, – либо подтвердить, что в его конкретном деле часть первая статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ была применена судами вопреки ее конституционно-правовому смыслу, выявленному Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 20 декабря 2010 года № 21-П, сохраняющем силу.

При принятии жалобы гражданина, объединения граждан к рассмотрению Конституционный Суд Российской Федерации, как того требуют предписания части второй статьи 36 и статьи 74 Федерального

конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», устанавливает наличие основания к возбуждению конституционного судопроизводства по данной жалобе, исходя не только из буквального смысла подлежащего проверке законоположения, но и из смысла, который придан ему официальным и иным толкованием и воспринят правоприменительной практикой при разрешении конкретных дел. Следовательно, если в правоприменительной практике законоположению, конституционно-правовой смысл которого был выявлен Конституционным Судом Российской Федерации в сохраняющем силу постановлении, посредством толкования был придан иной смысл, притом что у заявителя исчерпаны все другие возможности судебной защиты, Конституционный Суд Российской Федерации вправе принять к рассмотрению его жалобу на нарушение конституционных прав и свобод тем же законоположением в его новом истолковании в порядке статьи 47¹ Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Соответственно, исходя из требований статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», часть первая статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку содержащиеся в ней положения – по смыслу, придаваемому им в правоприменительной практике после провозглашения Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2010 года № 21-П, – служат основанием для отказа инвалидам вследствие чернобыльской катастрофы из числа военнослужащих, получающих пенсию за выслугу лет, увеличенную на сумму минимального размера пенсии по инвалидности, право которых на возмещение вреда здоровью было признано Конституционным Судом Российской Федерации в

Постановлении от 1 декабря 1997 года № 18-П, но которые не обращались за установлением соответствующих выплат до вступления данного Федерального закона в силу, в назначении ежемесячной денежной компенсации в том же размере, в каком им были исчислены неполученные суммы возмещения вреда здоровью (исходя из денежного довольствия с учетом степени утраты профессиональной трудоспособности).

2. В Постановлении от 20 декабря 2010 года № 21-П Конституционный Суд Российской Федерации, опираясь на положения Конституции Российской Федерации, в частности ее статей 1, 2, 7, 18, 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 42 и 53, пришел к выводу, что часть первая статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – не может рассматриваться как препятствующая назначению инвалидам вследствие чернобыльской катастрофы из числа военнослужащих, получающих пенсию за выслугу лет, увеличенную на сумму минимального размера пенсии по инвалидности, право которых на возмещение вреда здоровью было признано Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 1 декабря 1997 года № 18-П, но которые не обращались за установлением соответствующих выплат до вступления данного Федерального закона в силу, ежемесячной денежной компенсации в том же размере, в каком им были исчислены неполученные суммы возмещения вреда здоровью (исходя из денежного довольствия с учетом степени утраты профессиональной трудоспособности). В противном случае, как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации, указанным лицам не обеспечивались бы условия предоставления выплат в возмещение вреда, равные с предусмотренными для инвалидов-чернобыльцев, получавших возмещение вреда до 15 февраля 2001 года, и тем самым не соблюдался бы конституционный принцип равенства, гарантирующий защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав

и свобод и означающий, помимо прочего, запрет вводить такие ограничения в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания.

Постановление от 20 декабря 2010 года № 21-П, которым часть первая статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ признана не противоречащей Конституции Российской Федерации в ее конституционно-правовом смысле, выявленном Конституционным Судом Российской Федерации, сохраняет свою силу и в соответствии со статьей 125 (часть 6) Конституции Российской Федерации и конкретизирующими ее положениями статей 6, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» с момента провозглашения действует непосредственно, не требует подтверждения другими органами и должностными лицами, является обязательным на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

3. Неоднократно обращаясь к вопросу о юридических последствиях своих решений, Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал следующие правовые позиции (постановления от 16 июня 1998 года № 19-П, от 25 января 2001 года № 1-П, от 21 декабря 2011 года № 30-П, от 28 февраля 2012 года № 4-П, от 7 июня 2012 года № 14-П, определения от 11 ноября 2008 года № 556-О-Р, от 5 октября 2011 года № 1265-О-О и др.).

Оценивая в процессе конституционного судопроизводства как буквальный смысл проверяемой нормы, так и смысл, придаваемый ей официальным и иным толкованием (в том числе толкованием в конкретном деле) или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из ее места в системе норм, как того требует часть вторая статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде

Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации признает норму конституционной (соответствующей Конституции Российской Федерации) или неконституционной (не соответствующей Конституции Российской Федерации) и тем самым выявляет ее конституционный или неконституционный смысл, что находит отражение в формулировке резолютивной части решения (применительно к решению, вынесенному по итогам рассмотрения жалобы гражданина, в соответствии с частью первой статьи 100 данного Федерального конституционного закона – о признании закона либо отдельных его положений соответствующими Конституции Российской Федерации (пункт 1) или не соответствующими Конституции Российской Федерации (пункты 2 и 3).

Вместе с тем, если суд общей юрисдикции, арбитражный суд, применив норму в конкретном деле, дал ей истолкование, не соответствующее Конституции Российской Федерации, т.е. придал ей неконституционный смысл, в результате чего были нарушены конституционные права гражданина, Конституционный Суд Российской Федерации, проявляя разумную сдержанность, предопределяемую его конституционными полномочиями и местом в системе разделения властей, вправе, как это следует из статей 10, 118 и 125 Конституции Российской Федерации и статей 3, 36, 74, 75, 86, 96, 97 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», – не удаляя саму оспариваемую заявителем норму из правовой системы, поскольку это может существенно повлиять на ее функционирование в целом и создать трудности в правоприменении, в частности обусловленные возникновением в таком случае пробела в правовом регулировании, – устранить неопределенность в интерпретации данной нормы с точки зрения соответствия Конституции Российской Федерации, признав ее не противоречащей Конституции Российской Федерации в выявленном в результате конституционного судопроизводства конституционно-правовом смысле и определив тем самым конституционные

условия ее действия и применения, за пределами которых норма утрачивает свою конституционность.

В силу верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации (статья 4, часть 2; статья 15, части 1 и 2; статья 120, часть 1, Конституции Российской Федерации) Конституционный Суд Российской Федерации, к исключительной компетенции которого относится признание нормативных актов неконституционными, утрачивающими силу и, следовательно, недействующими и не подлежащими применению (статья 125, часть 6, Конституции Российской Федерации), не может быть лишен возможности устанавливать конституционный режим применения нормы, которая сама по себе признана им не противоречащей Конституции Российской Федерации, с тем чтобы исключить неконституционное истолкование этой нормы в правоприменении. При этом норма, признанная не противоречащей Конституции Российской Федерации в конституционно-правовом смысле, выявленном Конституционным Судом Российской Федерации, сохраняет юридическую силу и действует (и, соответственно, подлежит применению) именно в пределах ее конституционно-правовой интерпретации; норма, конституционно-правовой смысл которой выявлен Конституционным Судом Российской Федерации, может действовать и применяться только в нормативном единстве с подтвердившим ее конституционность решением Конституционного Суда Российской Федерации; иное понимание последствий конституционно-правового истолкования нормы означало бы возможность ее применения в противоречие Конституции Российской Федерации и не соответствовало бы правовой природе и юридической силе решений Конституционного Суда Российской Федерации.

Решения Конституционного Суда Российской Федерации, которыми подтверждается конституционность нормы именно в данном им истолковании и тем самым исключается любое иное, т.е. неконституционное, ее истолкование и применение, имеют в этой части такие же последствия, как

и признание нормы не соответствующей Конституции Российской Федерации, влекущее утрату ею юридической силы, и такую же сферу действия во времени, в пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа, а значит, такое же, как нормативные акты, общее значение, не присущее правоприменительным по своей природе актам судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Вследствие этого любые постановления Конституционного Суда Российской Федерации, в том числе те, в которых выявляется конституционно-правовой смысл того или иного законоположения, исключающий любое иное его истолкование, являются окончательными, не могут быть пересмотрены другими органами или преодолены путем повторного принятия отвергнутого неконституционного акта либо посредством применения нормативного правового акта в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, а также обязывают всех правоприменителей, включая суды общей юрисдикции и арбитражные суды, действовать в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации. Иное означало бы, что суд общей юрисдикции или арбитражный суд могут осуществлять истолкование акта, придавая ему иной смысл, нежели выявленный в результате проверки в конституционном судопроизводстве, и тем самым подменять Конституционный Суд Российской Федерации, чего они в силу статей 118, 125, 126, 127 и 128 Конституции Российской Федерации делать не вправе.

Юридическое последствие решения Конституционного Суда Российской Федерации, в котором выявляется конституционно-правовой смысл нормы, – прекращение ее действия (и, соответственно, применения) в неконституционном истолковании и, как следствие, утрата ею силы на будущее время в любом ином – расходящемся с выявленным конституционно-правовым – смысле, допускавшемся в прежнем ее понимании. Это означает, что такая норма – по общему правилу, вытекающему из статьи 125 (часть 6) Конституции Российской Федерации, частей первой, третьей и пятой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде

Российской Федерации», – с момента вступления решения Конституционного Суда Российской Федерации в силу не должна толковаться каким-либо иным образом и применяться в каком-либо ином смысле, а правоприменительные органы обязаны учитывать сформулированную в нем позицию Конституционного Суда Российской Федерации относительно того, соответствует ли Конституции Российской Федерации смысл данной нормы, придаваемый ей правоприменительной практикой.

Исключения из общего правила, фиксирующего юридические последствия принятого по результатам конституционного судопроизводства итогового решения, могут быть обусловлены только тем, что Конституционный Суд Российской Федерации вправе в самом постановлении определить как порядок его вступления в силу, так и порядок, сроки и особенности исполнения (пункт 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), в том числе, исходя из необходимости обеспечения стабильности правоотношений в интересах субъектов права, отсрочить исполнение своего постановления и связать обязательность применения нормы с учетом выявленного им конституционно-правового смысла не с моментом вступления данного постановления в силу, а с иной, прямо указанной в его тексте, датой (сроком).

4. Поскольку в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2010 года № 21-П не содержится никаких оговорок, предусматривающих особый порядок его исполнения, сформулированная в нем правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, раскрывающая конституционно-правовой смысл части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», в силу статьи 125 (часть 6) Конституции Российской Федерации и части пятой статьи 79 Федерального

конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» подлежит учету правоприменительными органами с момента провозглашения данного Постановления, т.е. с 20 декабря 2010 года.

Соответственно, для граждан, не являвшихся участниками конституционного судопроизводства, решения по делам которых об отказе в исчислении размера ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда, причиненного здоровью в связи с выполнением работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, исходя из денежного довольствия с учетом степени утраты профессиональной трудоспособности были вынесены и вступили в законную силу до принятия Конституционным Судом Российской Федерации Постановления от 20 декабря 2010 года № 21-П, не исключается возможность повторного обращения в органы, на которые возложены функции назначения и выплаты указанной ежемесячной денежной компенсации, за ее перерасчетом с момента вступления в силу данного Постановления Конституционного Суда Российской Федерации, а в случае отказа в перерасчете – в суд (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июня 2011 года № 832-О-О и от 11 мая 2012 года № 716-О).

Между тем, как следует из документов, представленных в Конституционный Суд Российской Федерации гражданином Р.Инамовым, положения части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» были применены в его деле без учета правовой позиции, сформулированной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2010 года № 21-П. Тем самым правоприменительные органы, включая суды общей юрисдикции, придали этим законоположениям истолкование, расходящееся с их конституционно-правовым смыслом, ранее выявленным Конституционным Судом Российской Федерации, что повлекло за собой их

неконституционную интерпретацию и, соответственно, нарушение конституционных прав заявителя, восстановить которые (учитывая, что судебные решения вступили в законную силу и прошли проверку в Верховном Суде Российской Федерации) невозможно, не прибегая на основании статей 46 (часть 1) и 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации к обращению в Конституционный Суд Российской Федерации.

Если оспариваемая заявителем норма, ранее признанная неконституционной постановлением Конституционного Суда Российской Федерации, сохраняющим свою силу, применена судом в конкретном деле, а подтверждение ее неконституционности – в том числе по смыслу, придаваемому ей официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, – необходимо для устранения фактов нарушений конституционных прав и свобод граждан в правоприменительной практике, Конституционный Суд Российской Федерации в силу части первой статьи 47¹, части второй статьи 74 и части первой статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» обязан констатировать, что такая норма не соответствует Конституции Российской Федерации. Применительно к случаям, когда та или иная норма была признана в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации при условии ее истолкования и применения исключительно в выявленном конституционно-правовом смысле, но продолжает – вопреки требованиям статей 10, 15 (часть 1), 118 (часть 2) и 125 (часть 6) Конституции Российской Федерации – использоваться в правоприменительной практике в интерпретации, расходящейся с ее конституционно-правовым смыслом, это означает, что Конституционный Суд Российской Федерации вправе признать такую норму, с учетом придаваемого ей официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой нормативного содержания, не соответствующей Конституции Российской Федерации.

Таким образом, поскольку применение в деле гражданина Р.Инамова части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в истолковании, расходящемся с конституционно-правовым смыслом ее положений, выявленным в сохраняющем силу Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2010 года № 21-П, привело к нарушению прав заявителя, гарантированных статьями 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 42 и 53 Конституции Российской Федерации, устранение которого невозможно вне рамок конституционного судопроизводства, Конституционный Суд Российской Федерации полагает необходимым констатировать неконституционность этих законоположений в интерпретации, отвергающей их ранее выявленный конституционно-правовой смысл и позволяющей судам общей юрисдикции, включая Верховный Суд Российской Федерации, и иным правоприменителям после провозглашения Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2010 года № 21-П отказывать в назначении инвалидам вследствие чернобыльской катастрофы из числа военнослужащих, получающим пенсию за выслугу лет, увеличенную на сумму минимального размера пенсии по инвалидности, право которых на возмещение вреда здоровью было признано Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 1 декабря 1997 года № 18-П, но которые не обращались за установлением соответствующих выплат до вступления данного Федерального закона в силу, ежемесячной денежной компенсации в том же размере, в каком им были исчислены неполученные суммы возмещения вреда здоровью (исходя из денежного довольствия с учетом степени утраты профессиональной трудоспособности).

Признание в настоящем деле части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ не соответствующей Конституции Российской Федерации в истолковании, расходящемся с конституционно-

правовым смыслом ее положений, выявленным в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2010 года № 21-П, необходимое для восстановления нарушенных прав заявителя и устранения фактов неконституционной интерпретации данных законоположений в правоприменительной практике, вместе с тем не означает, что сформулированные в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2010 года № 21-П правовые позиции утрачивают свое значение.

В силу статей 4 (часть 2), 10, 15 (части 1 и 2), 118 (часть 2), 120 (часть 1) и 125 (часть 6) Конституции Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации суды общей юрисдикции, равно как и иные органы и должностные лица публичной власти обязаны начиная с 20 декабря 2010 года применять часть первую статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» только в нормативном единстве с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2010 года № 21-П, в котором выявлен конституционно-правовой смысл ее положений.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 47¹, частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть первую статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» не

соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 42, 46 (часть 1), 53 и 125 (части 4 и 6), в той мере, в какой содержащиеся в ней положения – в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2010 года № 21-П, сохраняющем силу, – служат основанием для отказа в назначении инвалидам вследствие чернобыльской катастрофы из числа военнослужащих, получающим пенсию за выслугу лет, увеличенную на сумму минимального размера пенсии по инвалидности, право которых на возмещение вреда здоровью было признано Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 1 декабря 1997 года № 18-П, но которые не обращались за установлением соответствующих выплат до вступления данного Федерального закона в силу, ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда, причиненного здоровью в связи с выполнением работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, в том же размере, в каком им были исчислены неполученные суммы возмещения вреда здоровью (исходя из денежного довольствия с учетом степени утраты профессиональной трудоспособности).

2. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении гражданина Инамова Рахимжана на основании признанных настоящим Постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации положений части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2010 года № 21-П, сохраняющем силу, подлежат пересмотру в обычном порядке.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует

непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете» и «Собрании законодательства Российской Федерации». Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 24-П